

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

Особенности медицинского дискурса в романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич»

О. С. Крюкова¹, М. Б. Раренко^{2,3}

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, florin2002@yandex.ru

²Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия

³Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, rarengo@rambler.ru

Аннотация. Медицинский дискурс рассматривается в статье как разновидность институционального дискурса, обладающего определенными характеристиками. О них говорится на примере художественного произведения, в центре которого – история жизни потомственного врача, психиатра по профессии, Семена Гуревича. Выросший в семье медиков – матери-гинеколога и отца-психиатра Сеня рано приобщился к медицинскому знанию. Продолжив семейную традицию, Семен Гуревич органично вписал медицинский дискурс в свою обыденную жизнь.

Ключевые слова: медицинский дискурс, Дина Рубина, «Маньяк Гуревич», современная русскоязычная проза

Для цитирования: Крюкова О. С., Раренко М. Б. Особенности медицинского дискурса в романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 137–141. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

Original article

Peculiarities of Medical Discourse in Dina Rubina's Novel «Maniac Gurevich»

Olga S. Kryukova¹, Maria B. Rarenko^{2,3}

¹Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, florin2002@yandex.ru

²Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

³Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, rarengo@rambler.ru

Abstract. In the article, medical discourse is considered as a kind of institutional discourse with certain characteristics, using the example of a work of art, in the center of which is the life story of a hereditary doctor, psychiatrist by profession, Semyon Gurevich. Having grown up in a family of doctors – a gynecologist mother and a psychiatrist father, Senya acquired medical knowledge early. Continuing the family tradition, Semyon Gurevich organically integrated medical discourse into his everyday life.

Keywords: medical discourse, Dina Rubina, “Maniac Gurevich”, modern Russian prose

For citation: Kryukova, O. S., Rarenko, M. B. (2023). Peculiarities of medical discourse in Dina Rubina's novel «Maniac Gurevich». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 137–141. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_137

ВВЕДЕНИЕ

В последние несколько лет, судя по публикациям в научных журналах, отмечается повышенный интерес исследователей к медицинскому дискурсу, который становится объектом исследований представителей разных гуманитарных направлений. Медицинский дискурс представляет собой довольно разнородное и вместе с тем весьма интересное явление, проявляющееся и востребованное в разных сферах общения. Так, медицинский дискурс возникает в рамках профессионального общения представителей медицинского сообщества (врачей и представителей близких к ним специальностей – ветеринаров, биологов, лаборантов и пр.), общения между врачом и пациентом на медицинские темы, общения «дилетантов», т. е. людей, не имеющих медицинского образования, на темы здоровья. Сегодня в научной литературе понятие «медицинский дискурс» трактуется довольно широко и разнообразно. Таким образом, термин «медицинский дискурс» наделен широким спектром значений. Во-первых, под «медицинским дискурсом» понимают все произведения речи в рамках медицинской тематики. Во-вторых, «медицинский дискурс» представляется как «форма выражения научной парадигмы медицинских знаний – одного из способов внутреннего выстраивания медицинского опыта», «как часть культурного пространства, выходящая за рамки собственно общения в медицинском учреждении: дискурс об исцелении, лечении, терапии, выражении страдания, дискурс идеологий» [Майборода, 2017, с. 64–65]. В-третьих, в зарубежных исследованиях преобладает использование термина «медицинский дискурс» в связи с развитием и распространением на Западе методик группового консультирования людей, страдающих расстройствами психики, т. е. фактически подменяя термин «психотерапевтический дискурс» (более подробно см.: [там же]). В целом, изучение медицинского дискурса представляется нам широким и перспективным направлением современных гуманитарных исследований как в плане изучения языкового общения, так и как одного из подходов к анализу литературного текста.

В настоящей статье объектом внимания становится представленный на страницах художественного произведения медицинский дискурс в его разновидностях.

РОМАН «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ» ДИНЫ РУБИНОЙ КАК РОМАН О ТЕЛЕСНЫХ, ДУШЕВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЯХ

Вопрос о здоровье отдельного человека и даже общества в целом в настоящее время возникает

все чаще и чаще, и тому есть ряд причин. Современное общество оказывается перенасыщенным разного рода информацией, которую обыватель часто не в состоянии усвоить. Более того, информационные потоки нередко предлагают противоположные и взаимоисключающие точки зрения на происходящие в мире события, изобилуют фейками. Глобальный кризис усиливает также состояние нестабильности, неопределенности, тревожности, которое сегодня испытывает большинство жителей мира. На этом фоне появление нового романа Дины Рубиной с одновременно пугающим и притягивающим вниманием названием – «Маньяк Гуревич» – кажется вполне закономерным.

Отметим, что Дина Рубина, известный русский-язычный писатель, снискавший заслуженную славу одного из популярнейших авторов современной прозы, всегда остро реагирует на социальные изменения, происходящие в обществе. Для ее произведений характерен ироничный стиль повествования, привлекающий читателей.

В центре повествования в новом романе Дины Рубиной «Маньяк Гуревич» (издан в 2022 году) – семейная история врача-психиатра. Система персонажей в романе строится вокруг главного героя и его семейного окружения. Родители Семена Гуревича – типичные советские врачи-бессребреники. Мать-гинеколог и отец-психиатр получали скромные зарплаты, а в качестве подарков от пациентов принимали только коробки конфет и книги; долгое время они жили в коммуналке, преодолевая различные бытовые трудности. Они часто брали сына на работу, где давали ему посильные для ребенка задания: «Словом, свое детство Сеня провел между женской консультацией и психбольницей, строя щепки для вагинальных палочек или разглядывая психов» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 19).

Истории болезней, медицинские байки и казусы, различные случаи из жизни семьи Гуревичей, часто имеющие форму бытового анекдота, органично включены в повествование. Незакрытая вьюшка печи в комнате, где жила семья, привела к трагикомической ситуации: ребенок жаловался на голоса, доносящиеся из печи, родители заподозрили в этом дебют психического заболевания, и только приезд дальних родственников спас Сеню от лечения по тогдашнему психиатрическому протоколу.

Собственно историй болезни с детальными медицинскими подробностями в романе не так уже и много. В первой части, «Детство Гуревича», врачебный дискурс представлен курьезными медицинскими историями, случившимися с главным героем и его близкими. Юный Семен Гуревич характеризуется автором как ребенок слабый, переболевший всевозможными детскими инфекциями:

«Он рос болезненным ребенком, и не как другие хилые ленинградские дети, а экстремально болезненным. Папа говорил, что Сеня – не человек, а медицинский случай и в этом качестве его непременно надо вставить в учебник по педиатрии. Всеми хворями, какими нормальные дети болеют по одному разу, Сеня болел трижды» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 20). К тому же Семен с детства отличался «недотепством», регулярно попадая в нелепые ситуации, драки, а также сомнительные истории и вовлекая туда своих близких или тех, кто случайно оказался рядом с ним. Отец главного героя не стал в этом смысле исключением, решив помочь сыну в игре-имитации спортивных соревнований. Но «чемпионат мира по забегу на четвереньках вокруг стола» закончился трагикомически, когда папа Семена «оголтело ринулся прыгать вокруг стола, мгновенно вогнав себе в колено огромную занозу от старого рассохшегося паркета. Плоская широкая щепка с пиковым остриём – она, как нож, вонзилась ему глубоко в сустав» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 31). Медицинские манипуляции, в отличие от самих «соревнований», описаны весьма лаконично: «приехала скорая, папу забрали в больницу, кромсали там его колено под местным наркозом, вынимали занозу, накладывали швы...» (там же, с. 32).

Первая глава романа заканчивается все столь же трагикомическим случаем на выпускном вечере, причиной же этого происшествия послужило несовершенство вестибулярного аппарата главного героя. Неудачное катание на качелях в день выпускного, по-видимому, символизирует будущие стремительные взлеты и сокрушительные падения героя, чей профессиональный путь никогда не был ровным и гладким.

Выбор медицинской специализации в ординатуре между гинекологией и психиатрией в пользу последней Семен сделал под влиянием родителей. Мать считала, что эмпатия ее сына будет мешать ему принимать роды, и посоветовала остановиться на психиатрии. Автор, оценивая выбор героем специализации, прибегает к метафорическому сравнению: «Словом, похоже, мама оказалась права: психиатрия пришлась Гуревичу впору; так старый костюм отца, пролежавший в нафталине лет десять, садится на фигуру взрослого сына как влитой» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 226–227). Новоиспеченный врач-психиатр поступает на работу в ту же больницу, в которой когда-то работал его отец: «По окончании ординатуры он распределился в психиатрическую больницу № 6 – ту самую, в Лавре, куда в детстве ходил с папой» (там же, с. 227). Сюжетный принцип цикличности, стоит заметить, играет немалую роль в семейной хронике. В

начале романа маленькому Сене делают в парикмахерской одинаковую стрижку с дедом, а в конце – Семену-деду делают одинаковую стрижку с собственным внуком. Кольцо замыкается, эстафета поколений благополучно передается, несмотря на различные условия жизни представителей разных поколений.

Во второй части романа, «Неотложные годы», представлены истории сложных или необычных вызовов из опыта работы службы скорой и неотложной помощи, приобретающие в современном литературном и медийном дискурсе статус самостоятельного жанра («Юные годы медбрата Паровозова» Алексея Моторова, 2012), а истории душевных болезней персонажей со сложными судьбами раскрываются в третьей части – «Психиатрия-матушка», разделенной, как и другие части, на главки с выразительными и интригующими названиями («Самовар в кавалерийских сапогах», «Надежный сейф для драгоценностей Эсфири Бенционовны», «Повелитель мира Эрнест Миронович Качка» и др.). Следует отметить, что записки врача-психиатра – это также довольно популярный интернет-жанр: «Записки психиатра» Максима Малявина, блог «Злой доктор».

Многие врачебные истории с участием студента и одновременно фельдшера скорой Гуревича разворачиваются по законам жанра бытового анекдота. Так, история с подарком председателя совхоза («День свиньи») напоминает истории из цикла «Чемодан» Довлатова, в творчестве которого, подчеркивает Ефим Курганов, «принципиально нарушена грань между литературой как второй реальностью и реальностью как таковой» [Курганов, 2020, с. 228]. Перенос в анекдоте главного интереса «с фактической на психологическую достоверность» [там же, с. 229] отличает и бытовые казусы, описанные в романе «Маньяк Гуревич». Следуя довлатовской традиции, Дина Рубина повествует о путешествии свиньи – подарка председателя совхоза за чудесное излечение – по ленинградским улицам на скорой в поисках заведения общепита, готового принять живую свинью. Анекдотическая ситуация вырастает до абсурдной: «Ощущение дурного сна отвердевало в Гуревиче. Ему уже казалось, что избавиться от свиньи невозможно. Никак. Никогда» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 215). Стилистический прием парцелляции подчеркивает безвыходность и катастрофичность ситуации, которая в сознании главного героя приобретает уже не производственный, а семейный масштаб гротескного плана. Но ситуация оказывается всё-таки разрешимой, в рамках описанного уклада жизни, и трагикомическое путешествие на машине скорой помощи заканчивается в квартире

дяди фельдшера – Лени, который на дому занимался лепкой пельменей.

Социальные болезни, на которые с горькой иронией указывает автор, представлены во всех частях повествования. Это бытовой антисемитизм и хулиганство в советской школе («Детство Гуревича»), пьянство и неустроенность, приводящие людей на больничную койку («Неотложные годы», «Психиатрия-матушка»), а также кумовство при назначении на медицинские должности в престижной израильской клинике («Лимонное деревце во дворе»), бюрократия и доноительство («Отдел собачьих укусов»).

Пьянство стирает границы между социальными статусами, на что указывает автор: «Алкоголизм, конечно, был главнейшим поставщиком больничного населения. Вот уже поистине демократичный недуг: алкоголики всех стран... и далее по тексту. Вот уж область, где ни эллина, ни иудея, ни доцента, ни знатной мотальщицы...» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 255). Языковой прием разноречия, дважды использованный в этой фразе (начало знаменитого коммунистического лозунга, с одной стороны, и библейское выражение – с другой, соединяющиеся с обыденной лексикой) обнажает авторскую иронию, направленную на известную телесно-душевную и социальную болезнь. Далее следует повествование о галлюцинациях в белой горячке знатной мотальщицы, Героя Социалистического труда Анны Трофимовны Ложкиной. Фантастическая картина в письменном изложении больной завершается тирадой в привычном ей жанре социалистического обязательства: «...обязуюсь впредь, писала Анна Трофимовна, как, должно быть, писала она трудовые обязательства, за досрочное выполнение которых дважды заработала высокую награду, – впредь обязуюсь никогда больше не видеть самовара на ногах, обутых в кавалерийские сапоги, на бегу рожающего утят и поросят» (там же, с. 259). В этом тексте (картины галлюцинаций, где нет фантастических чудовищ, навеяны бытовым окружением) проявляется всеобщая абсурдность советской жизни, в которой подобный жанр соцобязательства не выглядит чужеродным явлением.

И лишь с одной социальной болезнью донкихотствующий герой не может смириться. Это использование «карательной психиатрии» для борьбы с диссидентами в СССР (глава «Пересвидетельствование»). Сюжетную основу этой главы составляет трагедия советского диссидента – бывшего аспиранта философского факультета Ленинградского университета Николая Шелягина, который некогда намеревался перейти советско-финскую границу. Гуревич, осознав, что

этот пациент более чем нормален, начинает видеть кошмарные сны, задыхаясь от собственного бессилия: политическая подоплека госпитализации этого пациента не оставляет никаких надежд на избавление от психиатрического плена. Случайным образом к Гуревичу попадают стихи Шелягина, и врач пытается пристроить их в солидный журнал, прекрасно понимая всю безнадежность этого красивого жеста. Точку в этой истории ставит возлюбленная Шелягина – Адель, рассказавшая о подробностях больничного существования Николая. В этой истории автор обращает внимание на такую черту главного героя, как эмпатичность, которая притягивает к нему самых разных людей: «Гуревич давно не удивлялся тому, что люди, попав в его общество, горячо, торопливо и даже страстно вываливают на него самые сокровенные события своих жизней, самые постыдные деяния и тайные порывы. Мама говорила, что его «безудержная идиотская эмпатия» источает неуловимый запах, вроде ладана, и потому страждущие – как в храме – при виде него рвутся к исповеди» (Д. Рубина. *Маньяк Гуревич*. 2022. С. 302). В этой самохарактеристике героя прослеживается тонкая связь между профессиями психиатра и священника, которые, по долгу службы вынуждены выслушивать чужие откровения, порой чудовищные, пропускать их через себя и давать, в зависимости от ситуации, житейские, медицинские или духовные советы. В текст романа органично вплетаются истории болезней, врачебные консилиумы, повседневные разговоры «на медицинские темы», благодаря чему у читателя создается иллюзия непосредственного присутствия «на месте события».

Выводы

Семену Гуревичу, с детства попадающему в трагикомические ситуации как медицинского, так и бытового плана, жизненные трудности неожиданно помогает преодолеть его постоянная, практически в любом коллективе, социальная функция недотепы (нашедшая отражение в нелепом прозвище героя – Маньяк Гуревич), сопоставимая с ролью Иванушки-дурачка в русской волшебной сказке и спасающая героя от алогичности и непредсказуемости жизни. Медицинский дискурс в романе, таким образом, одновременно выступает и объектом изображения, и художественным приемом, постольку становится фоном для раскрытия личности главного героя. Семен Гуревич, на первый взгляд, недотепа и неудачник, вписан автором в историю собственного рода, собственной семьи, в историю своей профессии, которой он остается верен во всех своих жизненных перипетиях. И в какой-то

момент в незадачливом докторе проступают черты Дон Кихота, что придает образу главного героя иной масштаб, параллельно дополненный и усиленный библейским контекстом. И если за

«недотепством» героя проглядывает довлатовский интертекст, то за «алкоголическими историями» неожиданно вырисовывается роман В. Ерофеева «Москва – Петушки».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майборода С. В. Медицинский дискурс: Современные теоретико-методологические походы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–74.
2. Курганов Е. Я. Нелепое в русской литературе: исторический анекдот в текстах писателей. М.: Издательство АСТ, 2020.

REFERENCES

1. Majboroda, S. V. (2017). Medical discourse: Modern theoretical and methodological approaches and research prospect. *Kommunikativnye issledovaniya*, 1(11), 63–74. (In Russ.)
2. Kurganov, E. Ja. (2020). *Nelepoe v russkoj literature: istoricheskij anekdot v tekstah pisatelej* = The ridiculous in Russian Literature: a historical anecdote in the texts of writers. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крюкова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой словесных искусств
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kryukova Olga Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Head of the Verbal Arts Department at the Faculty of Arts,
Lomonosov Moscow State University

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Senior Research Fellow of Linguistic Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.12.2022
23.01.2023
30.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication